

Сравнение организации промыслов у татар и башкир по первичным материалам переписей показало отсутствие значимых различий с русским населением. Хотя признать полную историческую достоверность переписей среди татар и башкир нельзя.

Расселение коми-пермяков в Чердынском уезде не создавало благоприятных условий для обращения к промыслам. Как показали экспедиционные материалы Кочевской экспедиции Коми-Пермяцкого музея 1959 г., для коми-пермяков, как и для русского населения, было характерно заимствование производственного опыта от пришлых, главным образом вятских отходников. Как сообщил Александр Иванович Андров (1896 г.р., д. Отопково Кочевского района), «из других купцов в наших местах известны вятский Кучин. Вначале он приехал, говорят, синельщиком в Отопково. Затем он имел два магазина в с. Кочево. Другой, тоже вятский, Лаптев также вначале жил в Отопково, после переехал в Кочево. Лаптев в Отопково тоже синельщиком приехал. После него имел свою мастерскую Поварницын Алексей Алексеевич. Он был учеником Лаптева. Во время гражданской войны его убили белые»⁵⁸³. Многие информаторы отмечали, что ремеслом занимались редко, обычно каждый делал себе все, что нужно. Но при отсутствии развитых кустарных промыслов и при наличии спроса на эти изделия, они привозились торговцами из других местностей. Жаков Николай Константинович (д. Воробьево Кочевского района) сообщил: «Ткани набивали вятские. Валенки делали зыряне. Войлок, сукно делали сами. Шляпы тоже. Лапти плел каждый сам себе»⁵⁸⁴.

Производственная культура русских кустарей и представителей других народов Прикамья не имела существенных отличий. Определяющим являлся историко-географический фактор. При этом следует отметить, что основные различия проявились в художественном исполнении изделий, которые носили ярко выраженный национальный характер.

Е.П. Клинков
Оренбург

ТРАНСПОРТИРОВКА ИЛЕЦКОЙ СОЛИ В ЦЕНТРАЛЬНЫЕ РАЙОНЫ РОССИИ В XVIII В.

Первые письменные свидетельства об Илецком месторождении каменной соли содержатся в «Книге Большому Чертежу», созданной в 1627 г. Там же впервые приводятся и сведения о разработке соли на Илецком месторождении: «... пала в Яик, с левые стороны Яика, Илез река, ниже горы Тустеби, по нашему та гора Соляная, ломают в неи соль»⁵⁸⁵. Добычей каменной соли для собственных нужд в тот период занимались башкиры, в общем ведении которых находилось месторождение. До первой половины XVIII в. русским солепромышленникам Илецкое месторождение не было доступно.

Внимание российского правительства илецкая соль привлекла во второй четверти XVIII в. С этого времени Илецкое месторождение начинает упоминаться в официальных документах. 31 декабря 1727 г. Сенат принимает «Устав о соляных промыслах, и о торге оною и о прочтем». В уставе были перечислены все крупные соляные разработки в стране, и в 17-м пункте говорилось о частной торговле солью из Илецкого месторождения: «.. близ реки Илека и в иных тамошних степных местах соль добывают и вывозят сухим путем, где по сему уставу позволяется промышлять с платежем пошлин свободно, однако ж Казанскому губернатору и Уфимскому воеводе велять накрепко смотреть, чтоб, конечно, вывоз и продажа такой соли была с платежем пошлин и ежли от таможен будут доношения в тайных провозах, в том вспомогать и как возможно по состоянию тамошних мест делать предосторожность, чтоб в сборе соляных пошлин траты не было»⁵⁸⁶.

⁵⁸³ ПОКМ. Ф. 2157. Д. НВ 5665/91. Л.23-24.

⁵⁸⁴ Там же. Л.75.

⁵⁸⁵ Книга Большому Чертежу / Подгот. к печати и ред. К.Н. Сербиной. – М.-Л., 1950. – С. 93.

⁵⁸⁶ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). I. – Т. VII. – № 5219.

Из содержания этой статьи устава видно, что в начале XVIII в. добыча илецкой соли достигла значительных размеров, и соль не только использовалась местными народами для собственных нужд, но и вывозилась сухопутным путем на продажу в города Поволжья и Приуралья. Подтверждение этому есть и в труде И.К. Кирилова, созданном в 1727 г., в котором, описывая Уфимскую провинцию Казанской губернии, автор говорит, что башкиры и татары вывозят илецкую соль на продажу⁵⁸⁷.

Интерес российского правительства к илецкой соли как к источнику пополнения казны и обеспечения населения важнейшим продуктом потребления, а также все мероприятия, связанные с началом промышленного освоения илецкого месторождения, необходимо связывать с именем И.К. Кирилова. П.И. Рычков пишет, что И.К. Кирилов узнал об илецкой соли от приезжавших в Москву и Санкт-Петербург башкирских старшин и уфимских жителей, а подтвердил эти сведения А.И. Тевкелев, ездившим с посольством к казахскому хану Абулхаиру⁵⁸⁸. После своего прибытия в Уфу в 1734 г. И.К. Кирилов предпринимает ряд мер для добычи и отправки илецкой соли из Уфы в Москву и Санкт-Петербург. Он договаривается с башкирами о поставке ее в Уфу по 8 коп. за пуд. В январе 1735 г. И.К. Кирилов в своем письме в Екатеринбург просит В.Н. Татищева сообщить «провозные» цены на соль и поясняет, что башкиры, «хотя недавно зачали привозить, однако ж около трех тысяч пуд уже куплено и непрестанно везут, почему уповаю, до весны немалое число будет». Для доставки соли в Москву и Санкт-Петербург среди уфимских купцов ему найти подрядчиков не удалось. «А который с заводов был купец Бармин, тот в первом слове просил по 12 копеек с пуда до Санкт-Петербурга», – писал И.К. Кирилов⁵⁸⁹. О мероприятиях начальника оренбургской экспедиции по отправке илецкой соли также пишет П.И. Рычков: «По прибытии его Кирилова в Уфу в том же 1734 и в 1735 году Башкирцы приохочены уже были к поставке сей соли в город Уфу, да и отправлено было ее при нем еще Кирилове на судах, несколько тысяч пуд Белою рекою в Каму, а Камую в Волгу и далее»⁵⁹⁰, т.е. именно И.К. Кирилова с полным основанием можно считать начинателем поставок илецкой соли в центральные районы России водным путем по рр. Белая, Кама и Волга.

Во время башкирского восстания 1735 – 1740 гг. добыча и, соответственно, транспортировка илецкой соли приостановилась, но уже в 1744 г. в Уфу было поставлено и оттуда переправлено для продажи в Нижний Новгород более 99575 пудов соли⁵⁹¹.

После учреждения Оренбургской губернии было решено увеличить добычу илецкой соли до 200000 пудов в год и организовать ее прямую поставку в Казань «без передачи в цене», то есть, минуя Уфу. Сенатским указом от 30 августа 1745 г. И.И. Неплюеву было велено для апробации нового водного пути по р. Белая заготовить на урочище Бугульчан соли на 1 или 2 судна и, пока будет построен соляной склад, сложить ее в удобном и безопасном месте, укрыть и поставить караул. По предварительным подсчетам, если башкирам за провоз соли к урочищу Бугульчан пришлось бы платить по 4 коп. за пуд, то доставка и продажа ее в Казани по установочной цене должна была приносить с каждого пуда по 12 коп. чистой прибыли⁵⁹². Осенью 1745 г. для заготовки строительного леса на урочище Бугульчан была отправлена команда капитана Аристова, состоявшая из 40 чел., «с топорами и прочими строельными инструментами». Одновременно для ломки соли на р. Илек снарядили 50 телпярей и для обеспечения их безопасности – воинскую команду из 36 чел.

К началу 1746 г. на Бугульчан стали поступать первые партии соли, однак

⁵⁸⁷ Кирилов И.К. Цветущее состояние Всероссийского государства. – М., 1977. – С. 227.

⁵⁸⁸ Рычков П.И. Описание Илецкой соли // Труды Вольного экономического общества. Т. XX. – М., 1772. – С. 29-30.

⁵⁸⁹ Буканова Р.Г. Города-крепости юго-востока России в XVIII веке. – Уфа, 1997. – С. 200.

⁵⁹⁰ Рычков П.И. Описание Илецкой соли // Труды Вольного экономического общества. Т. XX. – М., 1772. – С. 30-31.

⁵⁹¹ Буканова Р.Г. Города-крепости юго-востока России в XVIII веке. – Уфа, 1997. – С. 200.

⁵⁹² Там же.

выбранное место оказалось неудобным. Башкирам было выгоднее поставлять соль на прежних условиях сухопутным путем в Уфу. Указом Соляной конторы от 14 октября 1747 г. И.И. Неплюеву было предложено устроить магазины в Уфе и заключить с башкирами взаимовыгодный договор, а из Уфы отправлять соль водным путем «в лежащие по Каме места: в Елабугу, в Мамадыш, в Рыбную слободу, в Лаишево, в Казань»⁵⁹³. И.И. Неплюев был против этого. Он считал, что будет лучше, если соль будут возить сами казанские жители «по прямой новопроложенной» дороге, проходящей в стороне от Уфы⁵⁹⁴.

В 1749 г. Сенат вообще запретил возить илецкую соль «сухим и водным путем» за пределы Оренбургской губернии и Уфимской провинции, мотивируя запрет тем, что при этом увеличивается вероятность провоза контрабандной соли, за которую не уплачивается соляная пошлина. Разрешался вывоз только той соли, на поставку которой ранее были заключены контракты и выплачен задаток, например, казанскому купцу Леонтию Морготьеву дозволялось вывезти «до Казани с пригороды ... водным путем» 117000 пудов илецкой соли⁵⁹⁵.

В 1753 г. И.И. Неплюев добился передачи Оренбургской губернии всех доходов от продажи соли, после чего ее добыча и поставка были переданы подрядчикам. В частности, в 1765 г. илецкую соль взялся поставлять бывший симбирский купец, коллежский советник С.Н. Тетюшев. Он представил на имя Екатерины II проект, в котором предлагал организовать ежегодный вывоз соли до Нижнего Новгорода в количестве 1 млн. пудов ежегодно по цене не более 12 копеек за пуд. По расчетам С.Н. Тетюшева в эту сумму расходов входили: себестоимость добытого пуда соли (0,5 коп.), доставка его от Илецкой Защиты до пристани на р. Белая (5-6 коп.), строительство пристани, барж, приобретение якорей и др. (0,5 коп.), строительство бараков и наем рабочих людей до 4000 чел. (4 коп.), плата смотрителям соляных магазинов (0,5-1 коп.).

Для добычи 1 млн. пудов соли подрядчик потребовал 200 ссыльных рабочих⁵⁹⁶. Для его проекта были выделены деньги и рабочие люди. Пристань с урочища Бутульчан С. Тетюшевым была перенесена ниже по течению р. Белая к устью р. Ашкадар. На новом месте Тетюшев начал строить соляные магазины, барки и «пильную мельницу»⁵⁹⁷. К перевозке соли от Илецкой Защиты до Ашкадарской пристани, находившейся на расстоянии 250 верст, было приписано 1200 тептярей и бобылей Уфимской провинции.

Весной 1767 г. Тетюшев сумел отправить «в разные верховые города», т.е. в города по Каме, Белой и Волге, 323846 пудов соли. Перевозка соли обходилась гораздо дороже, чем предполагалось по проекту. Ашкадарская (впоследствии Стерлитамакская) пристань оказалась неудобной, так как здесь не было материала для строительства барж и соляных складов, поэтому лес приходилось сплавлять с верховьев Белой, за 400 км от пристани. В бурных потоках весеннего половодья суда, нагруженные солью, разбивались, а в межень они садились на мель, причем подобные случаи происходили неоднократно⁵⁹⁸.

В ноябре 1769 г. сенатор генерал-поручик П.Д. Еропкин, бывший над «соляными делами главным командиром», представил Екатерине II доклад, в котором предлагал оставить Стерлитамакскую пристань и построить на р. Белая, в урочище Бутульчан, соляные склады, откуда на легких судах, грузоподъемностью не более 2000 пудов, соль отправлять до города Уфы. В Уфе предполагалось построить пристань, соляные магазины и дальше сплавлять соль по Белой, Каме, Волге и Оке⁵⁹⁹. Этот проект был принят с той поправкой, что Стерлитамакская пристань на р. Ашкадар не была упразднена.

8 февраля 1770 г. на должность начальника правления Оренбургских соляных дел

⁵⁹³ Там же. – С. 201.

⁵⁹⁴ Там же.

⁵⁹⁵ ПСЗ РИ. I. – Т. XIII. – № 9573; Т. XIII. – № 9597.

⁵⁹⁶ ПСЗ РИ. I. – Т. XVII. – № 12553.

⁵⁹⁷ Рычков П.И. Описание Илецкой соли // Труды Вольного экономического общества. Т. XX. – М., 1772. – С. 34-35.

⁵⁹⁸ Там же. – С. 36-37.

⁵⁹⁹ Там же. – С. 37-39.

был назначен П.И. Рычков. Он активно занялся организацией работы Илецкого соляного промысла. Под его началом были построены пристани и соляные склады в Бугульчане, Уфе, в экономических селах Бетки и Чистое поле на р. Каме и в Самаре на Волге. В 1771 г. со всех пристаней водным путем было отправлено в Нижний Новгород полмиллиона пудов соли. Кроме того, сухим путем доставлено в Самару и Ставрополь с их уездами 35921 пуд илецкой соли вместо эльтонской, «чего никогда еще не бывало», – писал П.И. Рычков⁶⁰⁰. Он считал, что вывоз соли можно увеличить до миллиона пудов при условии, если будет достаточное количество горных рабочих и возчиков⁶⁰¹.

Кроме того, П.И. Рычков искал другие способы более экономичной транспортировки илецкой соли в центр России. Он предложил отправлять соль из Илецкой Защиты вниз по Илеку на легких судах грузоподъемностью от 500 до 1000 пудов до Илецкого городка, оттуда перевозить ее до р. Самара (до которой не более 100 верст) и уже по ней сплавлять соль до Волги. Здесь же Рычков добавлял: «...ежели тут же изпод Уральского Сырту вытекающую реку Бузулук разчистить, коя в Самару реку под Бузулуцкую крепостью впадает, то сия перевозка на половину онаго расстояния убавиться может»⁶⁰².

Таким образом, накануне пугачевского восстания соль с Илецкого соляного промысла отправлялась сухопутным путем на Уфимскую (333 версты от места добычи), Стерлитамакскую (210 верст), Бугульчанскую (160 верст), Самарскую (421 верста), Чистопольскую и Беткинскую (обе – 450 верст от места добычи) соляные пристани, а оттуда водным путем распространялась в различные районы России.

Во время пугачевского восстания вся система транспортировки илецкой соли подверглась захвату и разрушению со стороны повстанцев. Бугульчанская пристань в середине октября 1773 г. была захвачена пугачевским атаманом А. Соколовым-Хлопушей. С того времени она и проходившая возле нее сухопутная дорога от Оренбурга к Уфе оказалась под контролем повстанцев. Через пристань следовали отряды И.Н. Зарубина-Чики, посланные на захват Уфы; в обратном направлении, к Оренбургу, повстанцы везли пушки и снаряды, изготовленные для их артиллерии на Воскресенском и Авзяно-Петровском заводах. В начале апреля 1774 г., вскоре после поражения пугачевского войска в боях под Оренбургом, Бугульчанская пристань была занята подошедшими сюда воинскими командами, которым предписывалось охранять ее вместе с находившимися тут соляными амбарами, а также обеспечивать безопасность сухопутной коммуникации между Оренбургом и Уфой. Месяц спустя на пристань ворвался отряд атамана А.А. Овчинникова, одолел неприятельскую команду, переправился на восточный берег Белой и ушел в горы Южного Урала, где вскоре присоединился к войску Е.И. Пугачева. После этого военное командование разместило здесь крупное армейское подразделение, которое и оставалось в этих местах до глубокой осени 1774 г.⁶⁰³

Стерлитамакская пристань с середины ноября 1773 г. стала объектом нападения башкир-пугачевцев, стремившихся овладеть огромными запасами хранившейся тут соли. Управитель пристани секунд-майор И.К. Маршилов и командир гарнизона секунд-майор Н.И. Голов, бросив подчиненных и казенное имущество, бежали в Уфу, и в конце ноября сюда вступил пугачевский атаман И.Н. Зарубин-Чика. Повстанцы держали пристань в своих руках до весны. Карательный корпус И.И. Михельсона, разгромивший пугачевцев в битве под Уфой 24 марта 1774 г., вступил в Стерлитамакскую пристань 1 апреля⁶⁰⁴.

Илецкая Защита была захвачена 16 февраля 1774 г. отрядом А. Соколова-Хлопуши, семья которого находилась на промысле. Забрав в свой отряд служивших в крепостном

⁶⁰⁰ Там же. – С. 45.

⁶⁰¹ Там же.

⁶⁰² Там же. – С. 40-41.

⁶⁰³ Крестьянская война 1773-1775 гг. на территории Башкирии. Сб. документов. – Уфа, 1975. – С. 347-349, 376, 378.

⁶⁰⁴ Там же. – С. 156, 163, 164, 205-208.

гарнизоне солдат и казаков, а также каторжан с соляных промыслов, отряд повстанцев отправился в Бердскую слободу. Покидая крепость, А. Соколов-Хлопуша возложил управление ею на капитана К. Ядринцева, возглавлявшего до того работы по добыче соли. С конца марта 1774 г. Илецкая Защита возвратилась под прежнее административное управление⁶⁰⁵.

Беткинская соляная пристань перешла на сторону восставших 2 апреля 1774 г., когда за солью для повстанцев туда был послан сотник татарин Гумер Усманов. Начальник команды, охранявшей пристань, был захвачен и посажен под арест, откуда благополучно сбежал⁶⁰⁶.

Пугачевское движение нанесло большой ущерб Илецкому соляному промыслу, и объемы добычи соли постепенно снижаются. Илецкий промысел не только не мог экспортировать соль на центральные рынки России, но и не мог надлежащим образом снабдить ею население огромного Оренбургского края. Учитывая эти обстоятельства, Сенат в 1790 г. признал «за благо Илецкую соль предоставить единственно на продовольствие Оренбургской губернии»⁶⁰⁷.

Д.Г. Кориков
Екатеринбург

КОНСЕРВАТИВНАЯ ИДЕОЛОГИЯ И КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ПОРЕФОРМЕННОЕ ВРЕМЯ (1861-1904 ГГ.)

Одной из актуальных проблем российской истории пореформенного периода является конфессиональная политика Российской империи. Характерное для настоящего времени возрастание удельного веса и значимости религиозных объединений невольно сказывается на характере их отношений с государством. Отсюда – необходимость понимания российского опыта разрешения «религиозного вопроса», осмысления достоинств и недостатков различных принципов взаимоотношений государства с религиозными организациями.

В Российской империи вплоть до 1917 г. взаимоотношения государства с различными религиозными объединениями строились на конфессиональном принципе. Принцип этот достаточно сильно проявился в попытках юридического решения проблемы старообрядчества и сектантства. Попытки эти начинаются с учреждения в 1858 г. Особого комитета из светских лиц для определения прав старообрядцев и сектантов.

Возобновление деятельности по урегулированию государственно-религиозных отношений относится к 1864 г., когда был создан новый Комитет под руководством В.Н. Панина для разработки классификации неофициальных религиозных движений. В 1874 г. была образована Комиссия под председательством А.Б. Лобанова-Ростовского, центральное место в работе которой вновь занял вопрос классификации старообрядческих толков и сект.

Для всей этой законодательной деятельности были характерны две основные черты – отрицание принципа свободы совести и, одновременно, попытка ввести это отрицание в умеренные границы. Как в Комитете В.Н. Панина, так и в Комиссии А.Б. Лобанова-Ростовского при классификации старообрядческих толков и сект проводилось различие между «более вредными» и «менее вредными» неофициальными религиозными движениями. Такое разделение приводило к уголовному преследованию за религиозные убеждения одних людей и ограничению прав других. В этом проявлялось указанное отрицание свободы совести.

В то же время разграничение различных религиозных движений, раньше обобщенно называемых расколом, свидетельствует о попытке умеренного применения

⁶⁰⁵ Аксенов А.В. Соль Илецкая. – Оренбург, 1969. – С. 43-44.

⁶⁰⁶ Документы ставки Е.И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений 1773-1774 гг. – М., 1975. – № 202.

⁶⁰⁷ ПСЗ РИ. – Т. XXVIII. – № 21718.